

© 2013 г.

А.А. МАСЛЕННИКОВ. Царская хора Бспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: «Триумф-принт», 2010 (Древности Боспора. Suppl. III). 244 с., ил.

Рецензируемая работа задумана как первая часть публикации материалов, полученных автором в ходе многолетних исследований памятников Крымского Приазовья. Рассматриваемые А.А. Масленниковым памятники хорошо известны специалистам, так как не только отдельные виды находок (амфоры, керамические клейма, монеты, граффити и дипинти), но и сами памятники (одни частично, другие полностью) были уже опубликованы¹. Тем не менее автор счел, что эти памятники в силу их особой значимости и неоднозначности трактовки заслуживают отдельного тщательного анализа. По замыслу А.А. Масленникова, данная публикация призвана познакомить читателя с детальной архитектурно-строительной и археологической характеристикой памятников², что и объясняет структуру работы³, а также несколько суховатый и однообразный стиль изложения, напоминающий полевые отчеты, что осознает и сам автор (с. 8). Однако не только этим ограничивается задача, главное – показать на анализе массового материала наличие объективно-специфических взаимосвязей между анализируемыми памятниками, определить их особое место в системе организации сельской территории среди прочих поселений дальней и ближней хоры Боспора и соседних территорий с иным статусом, а также в системе город – хора и центр – периферия (с. 8). Автор делает оговорку о предварительном характере своих выводов, поскольку еще не опубликованы полностью керамические и нумизматические находки (с. 7–8), и предусматривает возможность уточнения некоторых исторических реконструкций (с. 221). Однако следует заметить, что все значимые характеристики массового материала А.А. Масленниковым учтены и, кроме того, основные выводы уже известны по более ранним публикациям⁴.

Монография изобилует иллюстративным материалом: приведены карты, планы, сделанные с помощью аэрофотосъемки и космосъемки, фотографии, топопланы, планы строительных остатков, планы-схемы поселений, различные видовые снимки. Это дает возможность читателю создать наиболее полное представление об описываемых объектах. К сожалению, для некоторых усадебных комплексов (усадыбы Бакланья скала, Юго-Западный Склон) отсутствуют планы-схемы строительных остатков, аналогичные приводимым для других памятников, где есть разбивка на блоки (ср. рис. 56: план-схема Генеральского Западного). К числу мелких недостатков иллюстративного материала следует отнести то, что при уменьшении общих планов раскопок практически нечитаемой становится нумерация помещений и это существенно затрудняет сличение описания объектов с иллюстрациями (см., например, рис. 17, 57, 119, 188).

¹ См. ссылки на публикации в тексте на с. 15, 22, 75, 83, 123, 124, 129, 168, 185–187, 193, 206, 215.

² Как сказано во Введении, отдельными томами планируется издать коллекции керамических клейм, амфор, монет, расписной керамики, граффити (с. 7).

³ Работа состоит из двух частей. Часть I «Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников», охватывает подавляющую часть работы (205 с.), включает 7 параграфов, каждый из которых посвящен одному из усадебных комплексов, и носит описательный характер. В случае если тот или иной памятник был опубликован, то приводятся в кратком виде общие сведения о нем, которые важны автору для его последующих выводов: местоположение, время функционирования, описание архитектурного облика и строительной техники, а также основного датирующего материала. Часть II «Социально-экономическая и историческая интерпретация памятников» содержит выводы автора по заявленной проблематике (11 с.).

⁴ См., например: Масленников 1998, 46–66; 2001а, 89–90; 2001б, 181–184.

В работе рассматриваются семь памятников: Чокракский мыс, Бакланья скала, усадебный комплекс Генеральское Западное с сопутствующими объектами, Пустынный берег I, II и III и Казантип (западный) (Мысовое). Представленная выборка обусловлена, по мнению А.А. Масленникова, их планировкой, архитектурой, сохранностью, обилием разнообразных находок и датировкой, а также общностью хронологии, территории, строительного дела, исторических судеб и интерпретации (с. 8).

Характеризуя памятники с учетом их хозяйственно-планировочной специфики, времени функционирования и места расположения, А.А. Масленников определяет их как усадьбы и усадебные комплексы (с. 10), и такая характеристика не вызывает возражений. Что же касается территории, на которой они находились, то автор считает возможным условно называть ее ««царской» хорой»⁵ (с. 8). Судя по данному тезису, а также и по названию работы, автор придерживается традиционной для отечественной историографии концепции о существовании царской хоры в указанном регионе в рассматриваемое время и предлагает интерпретировать изучаемые памятники в рамках этой концепции. Следовательно, читателю вправе ожидать новых аргументов, предоставляемых археологией, в пользу существования царской хоры в эпоху Спартокидов, которое ранее лишь предполагалось⁶. Предположения о существовании царской хоры делались на основе интерпретации немногочисленных, в основном косвенных, данных античной письменной традиции и сопоставления статуса земель в эллинистической Малой Азии, зафиксированного в источниках, и на Боспоре⁷.

В данной работе не дается определения понятия «царская хора», однако из статьи 2001 г. видно, что «царской хорой» автор считает «земельные массивы, принадлежащие правящей династии и образовавшиеся за счет присоединения к Боспору новых территорий, либо населенных местными племенами, либо не имевших постоянного населения, и вследствие отчуждения части земель хоры городских общин»⁸, а также «конфискованные земли, принадлежавшие Археанактидам и их сторонникам»⁹. Такая формулировка включает возможные источники пополнения земельного фонда, а также отражает точку зрения автора на правовой статус перечисленных категорий земель: все они находились в собственности царя (правящей династии), следовательно наличие государственных земель, которыми Спартокиды лишь распоряжались как верховные правители, исключается¹⁰.

Вернемся к рассматриваемым памятникам. Как упоминалось выше, А.А. Масленников одну из своих задач видит в том, чтобы «определить их особое место в системе организации сельской территории среди прочих поселений дальней и ближней хоры Боспора и соседних территорий с иным статусом», а для этого необходимо выявить их отличительные признаки. После детального описания местоположения, строительных приемов и техники, приведя основной датирующий материал (часть I), А.А. Масленников перечисляет присущие этим памятникам черты. На основании этого и делается вывод об экономической взаимосвязи между ними и об их принадлежности царской хоре (часть II). Относительно территории, на которой расположены рассмотренные усадьбы и усадебные комплексы, автор приводит следующие наблюдения. Во-первых, отсутствуют следы типично полисной системы землепользования, а именно – остатки клеров, обнаруженных в других местах Керченского полуострова. Во-вторых, сохранившиеся свидетельства искусственного террасирования служат, по его мнению, показателем иной системы хозяйствования и поземельных отношений, а масштабность работ по террасированию и соответствующие трудозатраты – доказательством проявления «единого замысла и единой воли» могущественного организатора (с. 223). Относительно следов искусственного террасирования и сделанного на их основе вывода о едином замысле и

⁵ Условность такого обозначения (слово «царская» А.А. Масленников берет в кавычки) объясняется, по словам автора, тем обстоятельством, что первые Спартокиды царями себя не именовали, и писавшие о них авторы также не употребляли этого термина (Масленников 2001б, 189).

⁶ См. Блаватский 1953, 46–47; Кругликова 1975, 8, 54, 58, 75, 148, 160, 249–250; Шелов-Коведяев 1985, 160. Предполагалось, что земли на «дальней» хоре находились во владении Спартокидов и поэтому могли считаться царскими.

⁷ Кругликова 1975, 249–250.

⁸ Масленников 2001б, 179–180.

⁹ Масленников 2001б, 181.

¹⁰ В свое время И.Т. Кругликова, сравнивая категории земель на Боспоре и в крупных эллинистических государствах, где помимо хоры городов существовала хора государственная, часть которой составляла хора царская, отмечала, что нам неизвестно, была ли на Боспоре государственная земля, не являвшаяся личной собственностью царя, и соответственно она делила сельскую территорию Боспорского государства «на хору городов... и хору царскую, или государственную» (Кругликова 1975, 249–250). Тем не менее она не исключала того, что государственными могли считаться земли, принадлежавшие отдельным племенам, включенным в состав Боспорского государства (там же).

т.п. хотелось бы заметить, что в работе 2001 г. А.А. Масленников писал, что «их (т.е. искусственных террас. – Е.С.) датировка подчас неопределенна, но античное время не только предпочтительно, но и как будто бы доказывается недавними раскопками»¹¹. Следовательно, данное наблюдение не может служить веским аргументом для подобного рода выводов. То же самое можно сказать и в отношении выявленных в относительной близости от рассматриваемых памятников так называемых «длинных полей» (в степной зоне Приазовья). По мнению А.А. Масленникова, они также соответствовали иной практике обработки больших посевных площадей под зерновые культуры и предположительно иному социальному статусу землевладельцев (с. 223). Однако неопределенность датировки этих полей, к сожалению лишает силы и этот довод.

В качестве еще одной характерной особенности территории автор указывает почти полное отсутствие погребальных комплексов IV–III вв. до н.э., сопутствовавших всем поселенческим структурам Караларской части Приазовья. Это обстоятельство, по его мнению, создает впечатление, что «*значительная часть обитателей этой хозяйственно-демографической агломерации* (курсив мой. – Е.С.)» предпочитала хоронить своих покойников где-то в другом месте, например, в столичном некрополе, «ранг» которого в большей мере соответствовал социальному статусу хозяев усадьбы (с. 224). Предположение о возможном месте захоронения хозяев усадьбы имеет право на существование, но из него однозначно не следует, что они обязательно должны быть царского рода, а именно к такому заключению и стремится подвести читателей А.А. Масленников. Что же касается «значительной части обитателей» усадеб, которую составляли те, кто там постоянно жил и обрабатывал землю, а вовсе не владельцы усадеб, то вряд ли простых работников хоронили в столичном некрополе Пантикапея.

Сами же усадьбы, с точки зрения археологической характеристики, несмотря на имеющиеся различия в планировке, построены в полном соответствии с практикой греческого строительного дела того времени (с. 220). Для некоторых из них характерно наличие чисто античных по происхождению производственных сооружений (виноделен). Разнообразие находок свидетельствует об образе жизни обитателей как собственным эллинам (с. 221). Поселения, расположенные в районе Караларского побережья, демонстрируют явную, с точки зрения автора, систему взаимосвязей в торгово-хозяйственной деятельности их обитателей и, вероятно, определенную стратификацию, своего рода административное соподчинение (с. 221). Отмечаемое типологическое и хронологическое единство амфорного материала указывает, по мнению А.А. Масленникова, на распределение продуктов (в амфорной таре) среди населения всех «составляющих частей» большого хозяйства из общего центра, роль которого выполнял усадебный комплекс Генеральское Западное (с. 221). Туда продукция в амфорах поступала, видимо, из Пантикапея (с которым и наблюдается, по словам А.А. Масленникова, наибольшее единство соответствующих характеристик¹²), а затем распределялась партиями по соседним небольшим населенным пунктам. Все рассмотренные населенные пункты, за исключением городища на мысе Зюк и поселения на Чокракском мысу, вероятно, входили в хозяйственную округу этого центра (с. 221). Кроме того, он служил убежищем в случае военной опасности (именно на Генеральское Западное фиксируются следы военных действий, другие же населенные пункты были просто покинуты обитателями). Тезис о том, что поселение Генеральское Западное во второй четверти IV – середине III в. до н.э. играло роль перевалочного пункта, пользуется поддержкой исследователей¹³. Однако приводимый довод о типологическом и хронологическом единстве характеристик амфорного материала не может служить аргументом в пользу существования царского землевладения в Крымском Приазовье, поскольку на всех памятниках Северного Причерноморья в определенный период наблюдается сходный состав импорта и соответственно амфорной тары – доминирование одного центра со временем сменяется доминированием другого. Кроме того, совершенно очевидно, что импорт поступал в крупные порты (например, Пантикапей) и распределялся оттуда независимо от характера собственности и землепользования. Так что сходство набора амфор и его процентное соотношение не говорит в пользу принадлежности поселения Генеральское Западное царской хоре – в Ольвии того же времени или в Херсонесе эти показатели будут очень похожими.

Итак, подведя читателя к идее существования в центральной части Крымского Приазовья в рассматриваемое время сложного типа античного хозяйства, А.А. Масленников ставит главный вопрос – о его принадлежности (с. 222). На этот вопрос, как говорит исследователь, возможны два варианта ответа. Первый предполагает интерпретацию такого типа хозяйства как коллективной усадьбы. Однако Масленников не согласен с такой интерпретацией, поскольку в обоих комплексах (Генеральское Западное и

¹¹ Масленников 2001а, 81.

¹² К сожалению, данное утверждение выглядит голословным, так как ссылок на соответствующие публикации материалов А.А. Масленников не приводит.

¹³ См., например: Сапрыкин, Федосеев 2011, 106.

Бакланья скала), которые можно было бы трактовать подобным образом, во-первых, имеются «господские половины», выделяющиеся высоким качеством строительных приемов, характером находок, планировкой и интерьером (с. 223). Во-вторых, эпиграфические находки из центральной части комплекса Генеральское Западное – граффити и дипинти с упоминанием имен Спартока и Перисада – могут указывать на присутствие здесь представителей боспорского «правого дома» династии Спартокидов (с. 223). Это предположение исследователи несмотря на оговорку о большой доле осторожности выглядит слишком смелым, к тому же соответствующие иллюстрации в данной монографии отсутствуют, а в работе, где они опубликованы, имя Перисада не прочитывается, имя же Спартока читается предположительно¹⁴. В-третьих, А.А. Масленников приводит свидетельства из области местной «сакральной археологии»: на рассматриваемых памятниках зафиксированы следы лишь домашних святилищ, за исключением Генеральского Западного, где обнаружен перистильный двор с монолитным алтарем. За подобным различием в сакральной сфере могут скрываться различия и в статусе поселений (с. 224). Упоминаемые в качестве косвенных наблюдения за палеоостеологическим материалом и редкими находками лепной керамики (с. 224–225), а также их трактовка автором монографии призваны еще раз подчеркнуть высокий статус обитателей центральной части Генеральского Западного.

Что касается датировки появления рассматриваемых памятников, автор на основе анализа массового материала говорит о практически одновременном их возникновении в середине второй четверти IV в. до н.э. (хотя и с локальными отклонениями). Из этого делается вывод, что основание поселений было масштабным предприятием, проведенным Боспорским государством, а точнее правящей династией Спартокидов (с. 220).

Подводя итог, А.А. Масленников подчеркивает, что практически все Крымское Приазовье в IV–III вв. до н.э. скорее всего являлось владением правящей на Боспоре династии. Там, на землях с особым правовым статусом, находилось крупное, комплексное усадьбное хозяйство с центром на месте археологического памятника Генеральское Западное, которое можно охарактеризовать как царское владение (с. 227). В Заключении автор повторяет эту же идею. По его мнению, все эти памятники не что иное, как материализованное отражение первого этапа эволюции особых поземельных отношений, связанных своим появлением и существованием со спецификой государственного устройства Боспора, т.е. с монархической формой правления. Для указанного периода и места царская хора могла выглядеть в одном из своих локальных проявлений так, как это позволяют представить вышерассмотренные объекты (с. 231). Однако этот основной вывод работы не только не находит поддержки, но и подвергается критике теми исследователями, которые считают правление Спартокидов режимом полисным по сути и тираническим по характеру¹⁵. Даже изменение в титулатуре правителей Боспора в начале III в. до н.э. не свидетельствует, по мнению С.Ю. Сапрыкина, о трансформации сущности их власти – она по-прежнему оставалась полисной тиранией. Соответственно социально-экономические отношения и формируемая ими социально-политическая структура определяются исследователем как полисная, включавшая понятие «Боспор» как конгломерат полисных владений крупных городов. Следовательно, боспорские земли, расположенные по обеим сторонам пролива, по-прежнему должны рассматриваться как ближняя и дальняя хора Пантикапея и других крупных полисов Боспорского государства¹⁶. Точка зрения С.Ю. Сапрыкина на характер и сущность власти Спартокидов основана на анализе не только археологических материалов, но и на имеющихся свидетельствах литературной традиции, нумизматики и эпиграфики по данному вопросу, а также учитывает достижения исследований по социально-политической проблематике. А.А. Масленников в этой работе, как и во многих предыдущих, опирается главным образом на данные археологии, трактуя их, исходя из своего представления о характере власти Спартокидов как монархического правления, чуть ли не с чертами абсолютизма (с. 220, 222, 223, 231). Это не находит подтверждения в письменных источниках.

В целом, говоря о книге А.А. Масленникова, нельзя не отметить, что она, несомненно, представляет большой научный интерес, являясь первой частью полномасштабной публикации результатов многолетних раскопок автора в Крымском Приазовье. Кроме того, не бесполезна попытка автора предоставить вниманию читателей археологические данные, свидетельствующие, по его мнению, в пользу существования царской хоры в эпоху Спартокидов. Однако именно эта попытка показала уязвимость избранной исследователем методики – ограничиться лишь археологическими материалами

¹⁴ Граффити из поселения Генеральское Западное см. в: Сапрыкин, Масленников 2007, 87–108, №№ 445, 488.

¹⁵ См. например: Сапрыкин 2002а, 12–16; 2002б, 208; 2003, 22, 24, 28–30; Сапрыкин, Федосеев 2011, 109–110.

¹⁶ Сапрыкин 2003, 28–29. Приазовские городища Восточного Крыма С.Ю. Сапрыкин относит к дальней хоре столицы Боспора (2003, 29).

(датировка и трактовка которых порой не однозначна). Без учета уровня социально-политического развития Боспорского государства в рассматриваемую эпоху решить вопрос о правовом статусе земель дальней хоры невозможно.

Литература

1. *Блаваткий В.Д.* 1953: Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
2. *Кругликова И.Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
3. *Масленников А.А.* 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
4. *Масленников А.А.* 2001а: Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований // Боспорские исследования. Вып. I. Симферополь, 75–100.
5. *Масленников А.А.* 2001б: «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. 1, 178–190.
6. *Сапрыкин С.Ю.* 2002а: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
7. *Сапрыкин С.Ю.* 2002б: Аспург, царь Боспора // Древности Боспора. Вып. 5. М., 207–223.
8. *Сапрыкин С.Ю.* 2003: Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 1, 11–33.
9. *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* 2007: Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь–Керчь.
10. *Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* 2011: Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. IV. М., 89–114.
11. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год / А.П. Новосельцев (ред.). М., 5–187.

Е.И. Соломатина,
научный сотрудник Отдела сравнительного
изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН

© 2013 г.

«АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

N. MORLEY. Roman Empire: Roots of Imperialism. London–New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.*

Изучение римского империализма имеет более чем столетнюю историю, которая самым непосредственным образом связана с развитием и крахом колониальных и континентальных империй Нового и Новейшего времени, постколониальной и постимпериалистической ситуацией, процессами глобализации конца XX и начала XXI в.¹ Исследовательская активность в этом направлении, выра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1; соглашение № 14. В 37, 21.0962), проект «Образы прошлого в историографических и политических дискурсах Западной Европы и России».

¹ Первые работы по истории Рима, в название которых было вынесено понятие «империализм», появились в конце XIX – начале XX в. (Seeley 1889; Arnold 1906; Frank 1914), когда эта категория стала широко использоваться и в публицистике, и в теоретико-идеологических построениях. О взаимосвязи исторического контекста и концепций империализма см., например: Webster 1996; Hitchner 2008.